

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Верemenko , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Рюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominaty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени.....	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского.....	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jegor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)intepretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры.....	591

Константин Баршт

Санкт-Петербург, Институт русской литературы РАН

Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского

The Time and the Apocalypse in Dostoevskii's Works

Abstract: The article analyzes the category of time in the works of Dostoevskii, it is established that for a writer of extraordinary importance was the time stop, understand them and as a Christian day of judgment, and as a Apocalypse, and as the output of one spatial dimension to another. In the novel *The Brothers Karamazov* Dostoevskii subjected to artistic analysis of his concept of a multi-world, in which a person is connected with the outer space of a living direct connection, the strength of which is directly determined by his moral state. The article shows a number of interpretations of the writer's ideas drawn from the Revelation of John the theologian, as well as natural science literature of his time.

Keywords: Dostoevskii, the concept of world's plurality, *The Brothers Karamazov*, time, space, the Apocalypse

Категория времени играла значительную роль в творчестве Достоевского. Неслучайно для своего журнала он выбран название „Время”, а когда он был закрыт за статью о Польском восстании 1863-1864 гг., для регистрации нового издания взял подобное – „Эпоха”. С другой стороны, любой писатель – это историк жизни частного человека, а время является тем, на чем выстраиваются события, образующие сюжет; переформатирование времени, формирование манифестирующих смыслы отрезков бытия составляет основное содержание работы художника слова, и Достоевский в этом смысле не был исключением.

В словаре Достоевского „время” – одно из корневых и часто встречающихся понятий. В его произведениях оно чаще всего употребляется в качестве обозначения периода жизни человека и сочетается с определением „тяжкое”,

„счастливое”, „свободное” и т. д. (в *Бедных людях* – 1; 30, 36, 39)¹. Второе принятое у Достоевского значение – астрономическое, в смысле времени суток (1; 21, 26), хронометрического понятия (1; 23, 26, 42), периода истории (1; 47, 52), а также определенного момента в жизни (1; 37). Разумеется, в произведениях писателя много наречий с корнем „врем”: „со временем”, „по времени” в значении „когда-нибудь” или „иногда” и пр. (1; 31, 37). В этом смысле Достоевский мало отличается от многих других представителей мировой литературы. Наибольший интерес представляет у Достоевского не само время, но его остановка, пребывающая в двух основных ипостасях: стоп-кадр в течении художественного времени в его произведениях как прием, которым он широко пользовался², и трактовка остановки мирового времени, известного как Конец Света или Апокалипсис.

Первое упоминание об Апокалипсисе, одной из важнейших тем философствования Достоевского, содержится в его *Зимних заметках и летних впечатлениях*, где эта тема навеяна посещением в 1863 году лондонского Сити с „кристальным дворцом”, где писатель почувствовал „страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в едино стадо”, однако это единство, основанное на торжестве „золотого тельца”, вызывает у него ужас: : „Как бы вы ни были независимы, но вам отчего-то становится страшно. Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? – думаете вы; – не конец ли тут?” Апофеоз царства денег вызывает у него тревогу и желание „не поддаться, [...] не обоготворить Ваала” (5; 69-70).

Вечное в философской системе Достоевского было объединено с нравственно-духовными ценностями, временное и случайное – с царством материальным и плотским; поэтому апофеоз Ваала, установка в центр бытия экономических ценностей означали для него приближение реального конца Света. Один из этих многочисленных толкователей Апокалипсиса в произведениях Достоевского, Лизавета Прокофьевна Епанчина в романе *Идиот*, прямо указывает на то, что царство Золотого тельца – преддверие царства смерти³.

Далее в своих *Зимних заметках* писатель цитирует мысль из *Откровения Иоанна Богослова* о том, что после „великого дня гнева” избранные представлены перед Божественным престолом „в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих” (5; 71), в своем новом, вечном состоянии, в котором „они

¹ Здесь и далее цитаты из произведений Ф.М. Достоевского даются по *Полному собранию сочинений в 30 т.* (Ленинград 1972-1990) с указанием тома и страницы.

² См. К.А. Баршт, *Рисунки и каллиграфия Ф.М. Достоевского. От изображения к слову*, Бергамо 2016, с. 338-340.

³ См. К.В. Мочульский, *Достоевский. Жизнь и творчество*, Париж 1980, с. 291-292.

не будут уже ни алкать, ни жаждать и не будет палить их солнце и никакой зной” (гл. 7). Временное Царство Ваала, сулящее человеку гибель, будет заменено на вечную Божественную гармонию; другими словами, преодоленное и отмененное время есть для него великая ценность, а растворение во времени – непреодолимое зло. Для писателя была важна мысль о том, что время имеет окончание, ведь сказано Тем, „Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет”⁴. Ставрогин, беседуя с Тихоном, спрашивает его, читал ли он Апокалипсис? Комментируя цитату, старец называет это „Прелестными словами”, обратим внимание, Достоевский воспринимал Апокалипсис как художественное произведение (11; 11-12).

Апокалипсисом живо интересуются все главные действующие лица романа *Идиот* – Аглая (8; 202), Настасья Филипповна Барашкова (8; 167-168). Согласно первоначальному замыслу, толкователем Апокалипсиса был и Ипполит, который в указанном аспекте ставил вопрос: „Умирать или не умирать?”, в связи со „звездой Полюнью” (9; 277). В черновых заметках к роману Достоевский намечал большой философский диспут между Мышкиным и Лебедевым во время приема у Настасьи Филипповны, где затрагивалась бы тема грядущего Конца Света как неизбежного следствия морального нездоровья человечества (9; 221). Что же касается Лебедева, он без стеснений говорит о себе, что „в толковании Апокалипсиса силен” и занимается этим „пятнадцатый год” (8; 167, 202). Заметим, что если это очередная автобиографическая криптография Достоевского, то время начала этим „занятием” приходится на 1852-1853 г., время пребывания писателя на каторге, где он живо интересовался апокалиптическими концепциями, которые проповедовались пребывающими в том же остроге староверами, ожидающими Конца Света в связи с очевидным, по их мнению, приходом на Землю Антихриста. В этот период он создал запись: „14) (Старовер). При Конце Света огненная река пойдет, грешникам в погибель, а святым во очищение. Все неровности и горы изгладятся. Горы-де созданы чертями, Бог создал ровно”. (4; 235). На протяжении всей жизни писатель испытывал некоторую неудовлетворенность состоянием официальной Православной Церкви, более склоняясь к Старой вере, в которой видел явление настоящей народной веры в Христа. Старообрядческие толкования Апокалипсиса доходили до Достоевского двумя путями: при непосредственном общении со старообрядцами (друзья его отца Михаила А. Достоевского в детстве, раскольники в Омском остроге и др.), и из печатных источников (журналы, газеты, книги, начиная

⁴ Откр., гл.10, ст. 6.

с 1864 г., когда старообрядчество перестало быть государственным преступлением) в частности, из публикаций Константина Е. Голубова, много внимания уделявшего толкованиям Апокалипсиса. Стоит упомянуть: Николай А. Бердяев находил, что в раскольниках есть черты, ментально сближающие их с русской интеллигенцией:

У русских сектантов апокалипсис переплетается и смешивается с нигилизмом. То же происходит и в русской интеллигенции. Русское искание правды жизни всегда принимает апокалиптический или нигилистический характер. Это – глубоко национальная черта⁵.

Бердяев берет на вооружение тезис Достоевского о трех религиозных моделях: вере, атеизме и безверии (нигилизме), последний решительно отделен от „русского атеизма”, в основе которого, как и у верующих, находится страстная надежда на религиозное спасение. Иллюстрацию мы видим в исключенной из романа десятой главе *Бесов*:

А можно ль веровать в беса, не веруя совсем в Бога? – засмеялся Ставрогин. – О, очень можно, сплошь и рядом, – поднял глаза Тихон и тоже улыбнулся. [...] Совершенный атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры (там перешагнет ли ее, нет ли), а равнодушный никакой веры не имеет, кроме дурного страха. (11; 10).

Такова была трактовка Достоевским следующих строк Апокалипсиса: „знаю твои дела; ни холоден, ни горяч; о если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст моих”⁶. Слово „горяч” у Достоевского обозначает страстную веру, слово „холоден” – столь же принципиальный атеизм, „тепл” – нигилистическое отрицание религии как таковой (11; 11). К чему приводит человечество эта третья форма мироотношения хорошо сказал Александр С. Изгоев: попытка революционеров построить новое общество, обходя религию, привела к тому, что „человеческого общества построить не смогли, а лишь показали несколько картин звериной свалки”⁷. Это написано через 1 год после революции, однако Достоевский провидел это за полвека до событий Октября 1917 года.

⁵ Н.А. Бердяев, *Духи русской революции*, [в:] *Из глубины. Сборник статей о русской революции*, Москва 1990, с. 64.

⁶ Откр., гл. 3, ст. 15-16.

⁷ А.С. Изгоев, *Социализм, культура и большевизм*, [в:] *Из глубины. Сборник статей...*, с. 158.

Как верно написал Н.А. Бердяев,

Достоевский [...] до глубины раскрыл апокалипсис и нигилизм в русской душе. Поэтому он и угадал, какой характер примет русская революция. Он понял, что революция совсем не то у нас означает, что на Западе, и потому она будет страшнее и предельнее западных революций. Русская революция – феномен религиозного порядка, она решает вопрос о Боге⁸.

Согласно планам, отраженным в подготовительных материалах к роману *Бесы*, „Князь” (Н. Ставрогин) должен был беседовать с Шатовым об Апокалипсисе (11; 150). В течение этой беседы он должен был сравнить Россию 1870-х гг. с апокалиптической „женой чреватой” (11; 182-193).

Лебедев в *Идиоте* формирует на основе идей Апокалипсиса периодизацию мировой истории, относя настоящий период истории ко времени Третьего всадника, „имеющего меру в руке своей, так как всё в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут”, однако этот период скоро кончится, „за сим последует Конь Бледный и тот, коему имя Смерть, а за ним уже ад...” (8; 167-168). Его примеру следует сын, гимназист, который уверяет, что „звезда Полынь” из Апокалипсиса есть ни что иное, как „сеть железных дорог, раскинувшаяся по Европе” (8; 254), воспроизводя здесь мысль своего отца (8; 309). Откровение Иоанна Богослова говорит, что начало Концу Света положит звезда Полынь, которая упадет „на третью часть рек и на источники вод”, отчего умрут „многие из людей” (гл. 8, ст. 10-11); этот фрагмент помечен в экземпляре Нового завета, принадлежавшем писателю (7; 399). Надо отметить, что согласно черновым записям Достоевского к этому произведению, роль Лебедева как религиозного философа, трактующего время и безвременье, была значительно больше той, какую мы видим в романе (см. 9; 248, 253, 262). Второй профессиональный толкователь проблемы времени и конца Света в романе, это Григорий Семенович Бурмистров, который, по уверению генерала Иволгина, говорил „сурово и строго, пред ним склонялись генералы, а дамы в обморок падали” (8; 316). Вероятно, Достоевский в реальности встречался с неким толкователем Апокалипсиса, на это указывает запись, сделанная в это же время: „Видел одного священника. Толковал Апокалипсис. Купил поле” (9; 269).

Помимо романа *Идиот*, чтение Апокалипсиса в роли центрального сюжетного события предполагалось и в *Романе о помещике*, задуманном в мае-июне 1868 года (9; 115). На Апокалипсис ссылаются герои *Бесов*, включая Федьку Каторжного (10; 427). В романе *Братья Карамазовы* также содержит-

⁸ Н.А. Бердяев, *Духи русской революции...*, с. 65.

ся множество цитат из Откровения Иоанна Богослова (14; 237, 15; 98 и др.). В апрельском номере журнала „Русский вестник” за 1868 год, где печатались очередные главы романа Достоевского *Идиот*, был опубликован перевод „Апокалипсиса”, сделанный Аполлоном Н. Майковым, старинным другом Достоевского. Он с волнением следил за работой Майкова над переводом и 21-22 марта/2-3 апреля 1868 г. писал ему: „Так Вы таки кончили «Апокалипсис»? А я-то вообразил, что Вы его оставили. Разумеется, от духовной цензуры не уйдет ни за что, да и невозможно иначе, но если Вы переводили совершенно верно, то, разумеется, позволят” (28; 282); когда перевод вышел, он был взволнован и написал Майкову 18 мая 1868 года: „Ваш перевод Апокалипсиса – великолепен, но жаль, что не всё”⁹ (28; 398). Стоит заметить, что в этом же номере журнала напечатана статья Александра С. Травецкого *Польское бескорольевье по прекращении династии Ягеллонов*. Владимир С. Соловьев, находившийся в тесном контакте с Достоевским в 1870-е годы, подтверждает, что Апокалипсис Иоанна Богослова был одной из его любимых книг в последние годы жизни¹⁰. В целом же в произведениях и письмах Достоевского содержится более ста цитат и трактовок Откровения Иоанна Богослова.

Одним из центральных эпизодов романа *Идиот* является день рождения князя Мышкина (8; 309-312), где раскрывается мысль о признаке грядущего Апокалипсиса в виде пресловутых „телег, подвозящих хлеб голодному человечеству”. Эта трактовка – отклик на вызвавший большой общественный резонанс диалог между Александром И. Герценом и Владимиром С. Печериным о „тиранстве” материальной цивилизации с одновременным падением духовных запросов в обществе, в связи с этим в поэме Печерина *Торжество смерти* является апокалипсический всадник на белом коне¹¹. Достоевский познакомился с этой темой по *Былому и думам* А.И. Герцена, прочитанным им, согласно свидетельству его жены, в Дрездене в 1867 г.¹²; особое впечатление на писателя произвела фраза Герцена о том, что не стоит бояться „шума колес, подвозящих хлеб насущный толпе голодной и полуодетой”¹³. В этом словосочетании – „голодный и полуодетый” – Достоевскому виделось сло-

⁹ А.Н. Майков, *Из Апокалипсиса*, „Русский вестник” 1868, т. 74, № 4, с. 560-568.

¹⁰ В.С. Соловьев, *Заметка в защиту Достоевского от обвинения в „новом” христианстве*, [в:] его же, *Философия искусства и литературная критика*, Москва 1991, с. 264.

¹¹ См. об этом: Е.В. Бобров, В.С. Печерин. М.Ю. Лермонтов. *Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий*, „Известия Отделения русского языка и литературы” 1907, т. 12, кн. 3, с. 250-256.

¹² А.Г. Достоевская, *Дневник 1867 года*, Москва 1993, с. 11, 31, 336.

¹³ А.И. Герцен, *Былое и думы*, Глава 6: *Pater V. Petcherin*, [в:] его же, *Полное собрание сочинений в 30 т.*, т. 11, Москва 1957, с. 402.

восочетание „нищ и наг”, именно так себя характеризует Лебедев¹⁴, другой персонаж романа, Иван Фомич Суриков, говорит о себе что он „беден, нищ и убог” (8; 326). В *Братьях Карамазовых* персонаж говорит: „Прав ты, госпо-ди, ибо открылись пути твои!” (14; 223), в Апокалипсисе: „Праведны и истинны пути Твои, Царь святых!”¹⁵.

Основная идея „Откровения Иоанна Богослова”, которая поглощала внимание Достоевского и его персонажей, это мысль о бытии при отсутствующем времени. Именно в такое состояние должно прийти сознание человека после смерти, согласно Апокалипсису, и князь Мышкин, сидя на скамье в петербургском Летнем саду, рассуждает о том, что экстатическое мгновение, которое переживает во время приступа эпилептик, является своего рода моделью бытия в вечности:

Если в ту секунду, то есть в самый последний сознательный момент пред припадком, ему случалось успевать ясно и сознательно сказать себе: „Да, за этот момент можно отдать всю жизнь!”, – то, конечно, этот момент сам по себе и стоил всей жизни, вспоминая „опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего, однако, в ту самую секунду обозреть все жилища Аллаховы. [...] в этот момент мне как-то становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет. (8; 188-189).

Мышкин цитирует здесь ст. 6 гл. 10 „Апокалипсиса”: „времени уже не будет”, в чем осуществится „тайна Божия” (ст. 7, гл. 10). В целом, констатируется „искривлявшийся человек”, упомянутый в записной тетради Достоевского рядом с записью: „Звезда Полюнь” (9; 221), морально-онтологическое искривление Гомо Сапиенс связывается с бытием во времени, которое есть зло, так как всегда оканчивается. Герой *Подростка*, не желая детально разъяснять свою мысль о наступающем в наши дни „всеобщем окислении” человечества, просто ссылается на Апокалипсис, по его мнению, самый лучший комментарий к происходящему на социально-политической сцене: „посмотри в Апокалипсисе...” (13; 172, 16; 280).

Священное писание, которое испещрено пометами Достоевского¹⁶, подарила ему в Тобольске, по пути на каторгу Наталья Дмитриевна Фонвизина. Жозефина А. Муравьева, Прасковья Е. Анненкова с дочерью Ольгой И. Ивановой и Н.Д. Фонвизина посетили ссыльных петрашевцев на пересылочном пункте в середине января 1850 года. Достоевский с благодарностью пишет об этом в письме брату Михаилу Михайловичу сразу после отбытия катор-

¹⁴ В Апокалипсисе: „ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг” (Откр., гл. 3, ст. 17).

¹⁵ Откр., гл. 15, ст. 3.

¹⁶ *Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет*, Санкт-Петербург 1823.

жного срока, в январе 1854 года: жены декабристов, „ссылных старого времени”, заботились о них „как об родне [...] присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас” (28; 169). Это Евангелие – единственную разрешенную каторжному книгу – писатель хранил и перечитывал всю свою жизнь. В книге много помет и подчеркиваний, что помогало писателю переводить символы Апокалипсиса на язык современной ему политической истории. В частности, рядом с текстом: „И видел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон”¹⁷ писатель пометил: „социал<изм>”. Текст „Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена”¹⁸ помечен крестиком и приписано слово „цивилизации”. Рядом с текстом „И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель”¹⁹, написано: „общечеловек”.

Трактовка и переживание Апокалипсиса были для Достоевского не просто отвлеченным философствованием, а напряженной борьбой с надвигающейся на Россию и весь мир опасностью. „Достоевский предчувствовал, что если будет в России революция, то она будет осуществлением антихристовой диалектики”²⁰. Другими словами, русский социализм осуществит Апокалипсис на Земле, однако без уничтожения зла и справедливого суда над людьми, из Апокалипсиса будет ими взято одного только уничтожение. Неслучайно в „поэме” образованного нигилиста Ивана Карамазова Великий инквизитор спорит с Апокалипсисом, в котором состоится окончательная победа Христа над земным злом (14; 236). В письме редактору „Русского вестника” Николаю А. Любимову от 11 июня 1879 г., отсылая очередную часть романа *Братья Карамазовы*, он пишет о том, что в ней:

современный отрицатель, из самых ярых, прямо объявляет себя за то, что советует дьявол, и утверждает, что это вернее для счастья людей, чем Христос. Нашему русскому, дурацкому (но страшному социализму, потому что в нем молодежь) – указание и, кажется, эпергическое: хлебы, Вавилонская башня (то есть будущее царство социализма) и полное порабощение свободы совести – вот к чему приходит отчаянный отрицатель и атеист! (30; 68).

„Гордо и богохульно” – это цитата из Апокалипсиса²¹, равно как ссылка на „Вавилонскую башню” („пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы”²²).

¹⁷ Откр., гл. 13, ст. 11.

¹⁸ Там же, гл. 17, ст. 9.

¹⁹ Там же, гл. 17, ст. 11.

²⁰ *Из глубины...*, с. 78.

²¹ Откр., гл. 13, ст. 5.

²² Там же, гл. 14, ст. 8.

С Концом Света Достоевский связывал и деятельность коммунистических организаций в стране, согласно мнению Владимира И. Ламанского, высказанного в письме к Ивану С. Аксакову 8 октября 1875 г., Достоевский говорил с ним „об Апокалипсисе”, находя „ясные намеки на Россию, об Антихристе и коммуне”. В своей тетради Достоевский записал: „Социализм назвался Христом и идеалом, а здесь Христос или там... не верьте Апокалипс<ису>”, (20; 193) другими словами, не принимайте ложного Христа (социалистического) за истинного. Эти темы, с попыткой противопоставить Христа надвигающемуся молоху социализма он реализовал в *Братьях Карамазовых*, которые остались „гласом вопиющего в пустыне”, были услышаны немногими.

Одним из этих немногих был художник Иван Н. Крамской. 14 февраля 1881 г. он писал Павлу М. Третьякову по поводу смерти Достоевского:

покойный играл роль огромную в жизни каждого (я думаю), для кого жизнь есть глубокая трагедия, а не праздник. После *Карамазовых* (и во время чтения) несколько раз я с ужасом оглядывался кругом и удивлялся, что все идет по-старому, а что мир не перевернулся на своей оси. Казалось: как после семейного совета Карамазовых у старца Зосимы, после „Великого инквизитора” есть люди, обирающие ближнего, есть политика, открыто исповедующая лицемерие, есть архиереи, спокойно полагающие, что дело Христа своим чредом, а практика жизни своим: словом, это нечто до такой степени пророческое, огненное, апокалипсическое, что казалось невозможным оставаться на том месте, где мы были вчера, носить те чувства, которыми мы питались, думать о чем-нибудь, кроме страшного Дня Судного. Этим я только хочу сказать, что и Вы и я, вероятно, не одиноки. Что есть много душ и сердец, находящихся в мятеже [...] Достоевский действительно был нашею общественною совестью!²³

Глубокое философское содержание относительно категории времени применительно к надеждам и свершениям людей содержится в романе *Бесы*:

Это вряд ли в наше время возможно, – тоже без всякой иронии отозвался Николай Всеволодович, медленно и как бы задумчиво. – В Апокалипсисе ангел клянется, что времени больше не будет. – Знаю. Это очень там верно; отчетливо и точно. Когда весь человек счастья достигнет, то времени больше не будет, потому что не надо. Очень верная мысль. – Куда ж его спрячут? – Никуда не спрячут. Время не предмет, а идея. Погаснет в уме. – Старые философские места, одни и те же с начала веков, – с каким-то брезгливым сожалением пробормотал Ставрогин. – Одни и те же! Одни и те же с начала веков,

²³ И.Н. Крамской, *Письма. Статьи*, т. 2, Москва 1966, с. 60-61.

и никаких других никогда! – подхватил Кириллов с сверкающим взглядом, как будто в этой идее заключалась чуть не победа. (10; 188).

Апокалипсис многократно упоминается в рукописях к *Бесам* в качестве темы для обсуждения между действующими лицами (Голубов, Тихон, Ставрогин, Кириллов, Шатов, Степан Трофимович Верховенский, Петр Верховенский, Лебядкин, Федька Каторжный (11; 220, 12; 25-26 и др.). Неслучайно, что когда уходящий в небытие „либерал 40-х годов”, Степан Трофимович Верховенский, просит перед смертью погадать ему на Евангелии, открывается страница с важнейшим для Достоевского текстом об „отсутствующем времени”:

И ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания божия. Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих. Ибо ты говоришь: я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды, а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. (10; 497).

В первых версиях романа *Бесы* главный герой этого произведения „Князь” выглядел как проповедник новой версии христианства, сочетавшей в себе свойства религии первохристиан, ереси Ария, старообрядческого учения об Антихристе и ряда русских христианских сект (хлыстов, скопцов и др.). Разъясняя Шатову свою идею о принципиальном равенстве жизни человека и жизни Вселенной, он активно использовал цитаты из Апокалипсиса: „Падите горы на нас и подавите нас”. В Апокалипсисе: „И говорят горам и камням: „падите на нас и сокroyте нас от лица сидящего на престоле и от гнева Агнца“ (гл.6, ст. 16); „Не слышно гласа жениха и невесты”, в Апокалипсисе: „И свет светильника уже не появится в тебе; п голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе: ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы”²⁴.

Отношение Достоевского к концу времен было двойственным. С одной стороны, он видел в избавлении от времени шанс обрести бессмертие в вечности, с другой стремился, парадоксальным образом избавить человечество от всего того, что ведет человечество к Апокалипсису. В частности, он верил и надеялся, что найдется второй истинно верующий в этом мире (первым был он сам), и мир будет спасен вторым явлением Илии и Еноха: „А если нас отыщется двое таких верующих, то вот уже и всё спасено, [весь мир] це-

²⁴ Откр., гл. 18, ст. 23 (11.181,183).

лый мир двух нас завершен, воздвигнем алтарь и принесем жертву”. Согласно Достоевскому, Апокалипсис – это плохо, так как означает пришествие Антихриста, однако „зачем приходить Антихристу, если мы изречем слово «окончательной гармонии»”. А далее, „придет Христос и устроит царство свое на Земле (слышите, на Земле) на 1000 лет” (26; 323); „в один миг исчезнет и богатство” (о судьбе Вавилона – Рима: „ибо в один час погибло также богатство”²⁵ (26; 493). Достоевский верил в то, что во время Апокалипсиса мир изменит свои физические свойства, геометрические параметры, и тогда нормы человеческого общежития будут переосмыслены изнутри новой системы ценностей. Об этом говорит у Достоевского Иван Карамазов в рукописях: „Параллельные линии сойдутся, где мне, маленькому клопину уму, это понять. [...] – Апокалипсис. В финале выразится что-то такое драгоценное, чего стоили все мировые эти страдания и что искупает их до того, что можно и примириться” (15; 231). Апокалипсис, за счет упразднения времени, выдвинет наш мир в новую систему координат, где время будет заменено на вечность, граничность бытия будет упразднена.

Ожидание всеобщего воскрешения и Суда Божьего, которое переживал Достоевский в 1870-е годы, сказалось в его ответе Николаю Павловичу Петерсону, ученику Николая Федорова, известного философа, библиотекаря Румянцевской библиотеки. Петерсон написал Достоевскому письмо, изложив известную версию Федорова о „воскрешении отцов” в качестве альтернативы Апокалипсису, которое является долгом всех живущих на Земле. 21 марта 1878 Достоевский написал ответ Петерсону, указывая, что:

В изложении идей мыслителя самое существенное, без сомнения, есть – долг воскресенья преждеживших предков, долг, который, если б был выполнен, то остановил бы деторождение и наступило бы то, что обозначено в Евангелии и в Апокалипсисе воскресеньем первым. [...] как понимаете Вы это воскресение предков и в какой форме представляете его себе и веруете ему? [...] аллегорически. н<а>-прим<ер как Ренан, [...] или [...] как намекает религия, что воскресение будет реальное, личное, [...] они воскреснут не в сознании только нашем, не аллегорически, а действительно, лично, реально в телах.

Далее следует многозначительная прибавка:

Конечно не в теперешних телах, ибо уж одно то, что наступит бессмертие, прекратится брак и рождение детей, свидетельствует, что тела в первом воскресении, назначенном быть на земле, будут иные тела, не теперешние, то есть такие, может быть, как Христово тело по воскресении его, до вознесения” (30; 13-15).

²⁵ Откр., гл. 18, ст. 17.

Из этого ясно, что писатель искренно верил в глубокое преобразование личности человека, обретением им нового тела, способного нести его личность в условиях „отсутствия времени”, в вечности. Другими словами, он верил в существование иного мира, параллельного нашему, в котором незримо укоренен человек уже при своей земной жизни.

На этой идее существования физически реального мира за пределами нашего чувственного восприятия, на синтезе научного знания и веры устанавливается обновленное христианство Зосимы и Алеши Карамазова, о котором Достоевский записал в тетради: „Он понял, что знание и вера – разное и противоположное, но он понял – постиг, по крайней мере, или почувствовал даже только, – что если есть другие миры и если правда, что человек бессмертен, то есть и сам из других миров...” (15; 201). Неслучайной репликой этот вывод Алеши подтверждает черт в беседе с Иваном Карамазовым. Сокрушаясь по поводу своего увлечения „драгоценными душами”, он сетует: „Весь мир и миры забудешь, а к одному этакому прилепишься...” (15; 80). Герои Достоевского уверены в том, что лишь предполагал их автор: миров во Вселенной столько же, сколько людей, и каждому из них присущ свой набор пространственно-временных горизонтов со своей степенью искривления бытийных зон, перспектив и маршрутов спасения. Ум Ивана как „естественника” (14; 16) сориентирован на объяснение любого вопроса с помощью методов естественных наук, не принимая идею многомирия, вытекающую из „сходящихся параллельных” и плоскости, надетой на шар, в то время как Алеша настаивает на этой идее, на практическом уровне осуществляя свое духовное бытие в пределах вселенной, состоящей из множества миров:

Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, „соприкасаясь мирам иным”. [...] с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и неизблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и на веки веков. (14; 328).

Мистический опыт Алеши, вступающего в контакт с запредельным миром, подтверждается размышлениями Зосимы:

Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и вышним, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло всё, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе. (14; 290-291).

Идея о том, что наш мир существует параллельно иному, являясь его нижним морально-онтологическим уровнем, зародилась в сознании Достоевского в семнадцатилетнем возрасте. 9 августа 1838 года он написал брату Михаилу:

Не знаю, стихнут ли когда мои грустные идеи? Одно только состоянье и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землею; какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш – чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию. (28; 50).

Переводя этот вывод на язык христианской догматики, можно понимать человечество как группу люциферов, исторгнутых с Неба в силу одержимости „грешной мыслью” и создающих „ад” в режиме самообслуживания, т. е. служа „чертями” друг для друга и для тех, кто пытается не быть „чертом”. Эта мысль проскальзывает во всех „больших” романах писателя, несколько раз звучит в *Братьях Карамазовых*: в словах капитана Снегирева (14; 191), Зосимы (14; 292), и особенно откровенно в рассуждениях Смердякова и Ивана Карамазова, которые обнаруживают моральный эквивалент между „адам” и земной жизнью человека: „зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены?», если же в аду мучители будут страдать больше ими замученных, Иван и тут не согласен: „я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше” (14; 223). Герои-философы писателя посвящают свою жизненную активность преодолению этих двух зол, пытаясь изменить социум насильно (Раскольников, *Преступление и наказание*), смирением и примером хриstopодобия (Мышкин, *Идиот*), жертвой убиенной и самоубийственной (Шатов и Кириллов, *Бесы*), попыткой жить „как все”, накапливая свой „капитал” (Аркадий, *Подросток*), созданием новой Церкви (Зосима и Алеша Карамазов, *Братья Карамазовы*).

В главе *Дневника писателя* „О Большой и Малой Медведицах, о молитве великого Гете и вообще о дурных привычках” Достоевский называет „свинством” отсутствие у человека „гамлетовского вопроса” о том, „что будет там” (22; 6), называя это состояние „безмыслием”:

Я говорю безмыслие, а не бессмыслие. Ну, не верь, но хоть помысли. В нашем самоубийце даже и тени подозрения не бывает о том, что он называется я и есть существо бессмертное. Оп даже как будто никогда не слышал о том ровно ничего. И, однако, он вовсе и не атеист. Вспомните прежних атеистов: утратив веру в одно, они тотчас же начинали страстно веровать в другое. Вспомните страстную веру Дидро, Вольтера... У наших – полное *tabula rasa*. (22; 5-6).

Согласно мнению Достоевского,

самоубийство, при потере идеи о бессмертии, становится совершенною и неизбежною даже необходимостью для всякого человека, чуть-чуть поднявшегося в своем развитии над скотами. Напротив, бессмертие, обещая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землею. Тут, казалось бы, даже противоречие: если жизни так много, то есть кроме земной и бессмертная, то для чего бы так дорожить земною-то жизнью? А выходит именно напротив, ибо только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле. Отсюда обратно и нравоучение моей октябрьской статьи: «Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно и есть нормальное состояние человечества, а коли так, то и самое бессмертие души человеческой существует несомненно». (24; 49).

Сон смешного человека – одно из немногих произведений Достоевского, где его концепция онтологической широты человека не просто намечена, но описана как путь в другие измерения. Второе важное качество этого произведения для нашей темы – указание на то, что возможен нравственный подвиг, который может сдвинуть людей к вечному бытию, онтологической правде жизни в нескольких измерениях. После того, как „смешной” развратил жителей планеты Эдем, пытаясь повернуть их на путь истинный, он требует от них распять себя на кресте, тем самым предлагая им перспективу будущего пути к спасению:

Я говорил им, что всё это сделал я, я один, что это я им принес разврат, заразу и ложь! Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест. Я не мог, не в силах был убить себя сам, но я хотел принять от них муки, я жаждал мук, жаждал, чтоб в этих муках пролита была моя кровь до капли. (25; 117).

Признать земную жизнь единственным форматом бытия Достоевский не мог, слишком неудовлетворительно выглядело сочетание духовной глубины лучших представителей человечества с теми условиями, в которые помещены их земные сроки. Отсюда возникло требование бессмертия, которое, одновременно, создавало логическую опору для нравственности и объясняло смысл страданий, которые обрушиваются на человека в течение его земной жизни. Мысль о насущной необходимости идеи бессмертия человеческой личности в качестве опоры для нравственности многократно звучит в художественных произведениях и публицистике писателя. В статье *Приговор* в составе *Дневника писателя* Достоевский говорит об этом как о „самой высшей идее человеческого бытия”, „необходимости и неизбежности убеждения в бессмертии души человеческой”: „без веры в свою душу и в ее бессмертие

бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо” (24; 46). Отсюда естественным образом вытекает мысль об относительности времени, которое суть лишь отражение, слабый отблеск иного пространственно-временного континуума, недоступного земному разуму.

Намеки на то, что в каждом мгновении человеческой жизни заключена вечность, постоянно возникают в романе *Братья Карамазовы*. Иван говорит Алеше: „А ты что так беспокоишься, что я уезжаю. У нас с тобой еще бог знает сколько времени до отъезда. Целая вечность времени, бессмертие!” (14; 212). В поучениях старца Зосимы утверждается мысль о существовании „бесконечного бытия, не измеримого ни временем, ни пространством”, лишь в земной жизни есть „времена и сроки”, однако этом бесконечном бытии, истинном жизненном пространстве человека нет времени и не назначено сроков (14; 292). К этому идеалу жизни в вечности, с целью освобождения от „ада”, стремится Алеша, который „задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют” и „сейчас же, естественно, сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю»” (14; 25). Таким образом утверждается любимая идея Достоевского о неразрывной связи между нравственным и онтологическим статусом человека: „По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей” (14; 52). Этот закон, по мнению Достоевского, реально обеспечивает существование человечества: „в этом-то и состоит весь закон естественный, так что уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь” (14; 64-65); отсюда же ясно, что „черт”, беседуя с Иваном Карамазовым, отрицает нравственность и, тем самым, бессмертие (15; 83-84).

Достоевский одним из первых в мире понял, что если существуют многомерности, то необходимо должны быть и точки взаимодействия между ними в пределах общей реальности. И некоторые из этих точек действуют неподвластно времени и за пределами причинно-следственных связей. Вероятно, именно это заставило Альберта Эйнштейна сказать о заслугах Достоевского в теоретической физике. Согласно воспоминаниям Александра Мошковского, в беседе с ним Альберт Эйнштейн сказал следующее: „Достоевский дал мне больше, чем любой мыслитель, больше, чем Гаусс!”²⁶. Стоит обратить внимание на то, что Эйнштейн говорил именно о *Братьях Карамазовых*: „Мне нет надобности заниматься для этого литературным анализом

²⁶ А. Мошковский, *Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира*, Москва 1922, с. 162.

или исследовать какие-нибудь психологические тонкости – ведь все равно все подобные исследования никогда не проникнут в ядро такого творения, как *Братья Карамазовы*”²⁷. В другом случае Эйнштейн заметил: „Достоевский показал нам жизнь, это верно; но цель его заключалась в том, чтобы обратить наше внимание на загадку духовного бытия”²⁸. Ответ находится там же, где и ключ к пониманию смысла жизни и смерти, ее начала и конца, заключенного в романе *Братья Карамазовы*. В 1870-е гг. Достоевский пришел к представлению о том, что наш мир, воспринимаемый пятью органами чувств, есть лишь небольшая часть действительности; наша телесность укоренена в трехмерном мире со стрелой времени, в то время как духовная сущность простирается за пределы четырехмерного континуума, в пятое измерение, доступное лишь интуитивному восприятию. В своей тетради он записывает:

Если б где в мире был конец, то был бы всему миру конец. Параллелизм линий. Треугольник, слияние в бесконечности, одна квадрильонная все-таки ничтожность перед бесконечностью. В бесконечности же параллельные линии должны сойтись. Ибо все эти вершины треугольника все-таки в конечном пространстве, и правило, что чем бесконечнее, тем ближе к параллелизму, должно остаться. В бесконечности должны слиться параллельные линии, но – бесконечность эта никогда не придет. Если б пришла, то был бы конец бесконечности, что есть абсурд. Если б сошлись параллельные линии, то был бы конец миру и геометрическому закону и Богу, что есть абсурд, но лишь для ума человеческого. Реальный (созданный) мир конечен, невещественный же мир бесконечен. Если б сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего. Но в бесконечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. Ибо если б не было бесконечности, не было бы и конечности, немыслима бы она была. А если есть бесконечность, то есть Бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир. (27; 43).

Продвигая концепцию неевклидовой конструкции вселенной, Георг Фридрих Бернхард Риман в 1850-е годы сделал ряд выводов философского плана, установив, что пространство не имеет ограничений в количестве измерений. Далее эти идеи, уже за пределами жизненного пути Достоевского развивал Герман Минковский, доказавший, что течение времени связано с пространственными измерениями, формируя новую геометрическую конструкцию, пространственно-временной континуум. Сравнивая Достоевского с Карлом Фридрихом Гауссом (1777-1855), родоначальником „диффе-

²⁷ Там же, с. 164.

²⁸ А. Эйнштейн, *Собрание научных трудов*, т. 4, Москва 1967, с. 164.

ренциальной геометрии” (геометрии искривленных плоскостей) и последователем идей Лобачевского, Эйнштейн указал нам на то, что привлекло его внимание в романе *Братья Карамазовы*. Идея Лобачевского-Гаусса-Римана опровергла концепцию плоского пространства, заповеданную Евклидом, возникла геометрия Вселенной, в которой нормой является искривленное пространство, меняющее свойства вещей и течение времени. Исходя из своего представления о том, что человек некоей своей частью укоренен в пятом или N измерении, Достоевский был уверен, что на кривизну пространства влияет нравственное состояние человека. Эту идею о связи между свойствами времени и пространства, зависимиыми от нравственного статуса людей, предлагая свою модель неевклидовой геометрии, Достоевский реализовал в *Братьях Карамазовых*, на уровне хронотопа художественного мира и в идеологических штудиях Ивана Карамазова, настаивавшего на необходимости связи между пространственным расположением человека в реальности двух совмещенных миров, временном и вечном, евклидовом и неевклидовом, между местом человека в бытии и его нравственным статусом. Согласно идее, которая владела Достоевским в период создания им романа *Братья Карамазовы*, скрытая от нашего восприятия часть Вселенной оказывает огромное неконтролируемое влияние на физические процессы в воспринимаемой нами реальной действительности²⁹.

Персонажи Достоевского существуют и в нашем мире, в социальной определенности, физической реальности, и, одновременно – в вечности и беспредельной Вселенной, которая, по их глубокому убеждению, наделена смыслом. Логически этот смысл не открывается и потому философы топчутся у порога истины. Герои Достоевского не боятся физической смерти, они боятся лишь одного – быть онтологически укорененными только в нашем временном трехмерном мире. Случайный выход Алеши Карамазова за его пределы описан у Достоевского следующим образом:

Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, „соприкасаясь мирам иным”. Простить хотелось ему всех и за всё и просить прощения, о! не себе, а за всех, за всё и за вся, а „за меня и другие просят”, – прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и по-

²⁹ Е.И. Кийко, *Восприятие Достоевским неевклидовой геометрии*, [в:] *Достоевский. Материалы и исследования*, т. 6, Ленинград 1985, с. 120-128.

чувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты, „Кто-то посетил мою душу в тот час”, – говорил он потом с твердою верой в слова свои... (14; 328).

Как бы комментируя эту возможность еще при временной жизни ощутить себя бессмертным существом, в своем *Дневнике писателя* за 1876 год Достоевский записал:

что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности? Что может быть даже невероятнее иногда действительности? Никогда романисту не представить таких невозможностей, как те, которые действительность представляет нам каждый день тысячами, в виде самых обыкновенных вещей. (22; 91).

Эта идея оплодотворяла творческую мысль писателя, становясь основой для строительства сюжетов его произведений, одновременно составляя важнейший опорный пункт нравственно-онтологической модели его философии.

Библиография

- Баршт К.А., *Рисунки и каллиграфия Ф.М. Достоевского. От изображения к слову*, Бергамо 2016.
- Бердяев Н.А., *Духи русской революции*, [в:] *Из глубины. Сборник статей о русской революции*, Москва 1990.
- Бобров Е.В., В.С. Печерин и М.Ю. Лермонтов. *Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий*, „Известия Отделения русского языка и литературы” 1907, т. 12. Кн. 3.
- Герцен А.И., *Былое и думы*, глава 6: *Pater V. Petcherin*, [в:] его же, *Полное собрание сочинений в 30 т.*, т. 11, Москва 1957.
- Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет*, Санкт-Петербург 1823.
- Достоевская А.Г., *Дневник 1867 года*, Москва 1993.
- Достоевский Ф.М., *Полное собрание сочинений в 30 т.*, Ленинград, 1972-1990.
- Изгоев А.С., *Социализм, культура и большевизм*, [в:] *Из глубины. Сборник статей о русской революции*, Москва 1990.
- Кийко Е.И., *Восприятие Достоевским неэвклидовой геометрии*, [в:] *Достоевский. Материалы и исследования*, т. 6, Ленинград 1985.
- Крамской И.Н., *Письма. Статьи*, т. 2, Москва 1966.
- Майков А.Н., *Из Апокалипсиса*, „Русский вестник” 1868, т. 74, № 4.
- Мочульский К.В., *Достоевский. Жизнь и творчество*, Париж 1980.
- Мошковский А., *Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира*, Москва 1922.

Соловьев В.С., *Заметка в защиту Достоевского от обвинения в „новом” христианстве*, [в:] его же, *Философия искусства и литературная критика*, Москва 1991.
Эйнштейн А., *Собрание научных трудов*, т. 4, Москва 1967.

Информация об Авторе

Константин Абрекович Баршт (Konstantin A. Barszt) – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН.
e-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1152-4083>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

